Юрий Джанджулов

СТИХИ

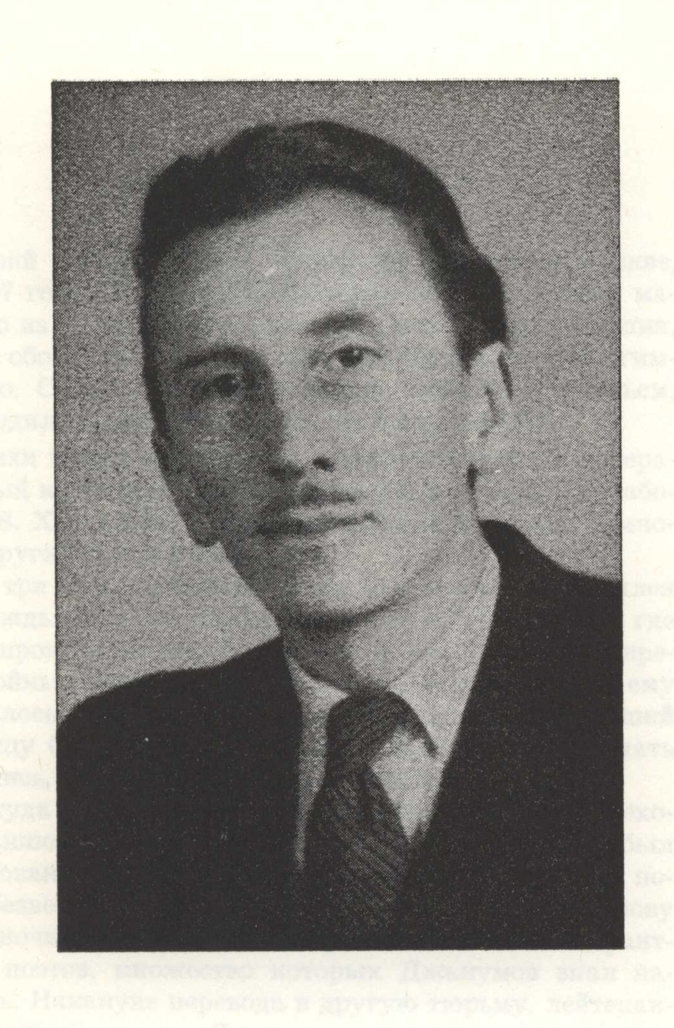
ЮРИЙ ДЖАНУМОВ

СТИХИ

Предисловие Г. Адамовича

Товарищество Зарубежных Писателей

Мюнхен 1966

Ю. А. ДЖАНУМОВ

Юрий Александрович Джанумов родился в Москве, в 1907 году. 12-летним подростком он был вывезен матерью из России; после скитаний, они попали в Берлин, где и обосновались. В Берлине Джанумов окончил гимназию. Семья бедствовала и ему, попутно с ученьем, приходилось много работать, простым рабочим.

Стихи начал писать рано; юношей вступил в литературный кружок, в котором состояли в те годы В. Набоков, В. Ходасевич, друзья Джанумова Горлины и многие другие поэты и писатели.

За три года до войны Джанумов впервые избавился от нужды, получив хорошую работу в Ольденбурге, где он и прожил эти годы спокойно и обеспеченно. Во время войны судьба забросила его в Дрезден, — там ему пришлось пережить воздушный налет, превративший столицу Саксонии в развалины. Джанумов и его мать спаслись, невеста Джанумова погибла.

Оттуда Джанумова с матерью эвакуировали в Чехословакию, где, после прихода советских войск, он был арестован и год провел в тюрьме. Освободиться ему помог безвестный лейтенант, приходивший к Джанумову в одиночку и с увлечением слушавший стихи эмигрантских поэтов, множество которых Джанумов знал наизусть. Накануне перевода в другую тюрьму, лейтенанту удалось вывести Джанумова на улицу и отпустить его. После этого Джанумов выбрался из Чехословакии в Австрию, откуда он переехал в Баварию, в Мюнхен,

где и прожил свои послевоенные годы. Умер он летом 1965 года.

Вероятно, тяжелые испытания во время войны, затем арест и тюрьма сильно повлияли на окончательное формирование характера Джанумова: несмотря на его общительность, он был замкнутым человеком и внутренне не мог преодолеть своего одиночества. Об этом говорит и выпущенный его друзьями сборник стихов, раскрывающий сложный мир этого своеобразного и одинокого человека.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Покойного Юрия Джанумова лично я не знал. Но читая его стихи, как будто встретился с ним и выслушал монолог человека душевно-своеобразного, много пережившего и которому во всяком случае было, что сказать. Даже больше: человека, который писал стихи потому, что ему мучительно хотелось найти из своего одиночества выход и может быть помочь найти его другим, не менее одиноким, чем он.

Эти стихи, конечно, не совсем совершенны. Поэту можно было бы сделать упрек в многословии и в склонности к какой-то неврастенической риторике, хотя попадаются у него и строчки отточенные, очень выразительные. Но настроения и мысли, владевшие Джанумовым, было бы нелегко сочетать с поэтической гладкостью и сжатостью. Вероятно он это сознавал, а сознавая и не стремился к тому, что могло бы оказаться лишь поверхностно-удачно и обеднило бы его пусть и шероховатую, однако внутренне живую лирику. Во времена символистов принято было делить сборники стихов на те, в которых есть «лирическое содержание» и те, в которых оно отсутствует, причем за вторыми вполне справедливо отрицалось какое-либо значение. Наличность «лирического содержания» у Джанумова бесспорна, она чувствуется с первых же его стихов и сразу приковывает внимание.

Духовно и физически он принадлежал к «детям страшных лет России». Однако у Джанумова обиды или

невзгоды, связанные с ходом истории, осложнены догадками иного порядка, относящимися к миру в целом. Горечь, внушенная участью друзей и сверстников, побудила его вглядеться дальше, глубже, и спросить себя, не соответствует ли ей нечто метафизическое, ускользающее от нашего вмешательства и даже понимания. Немного было в последния десятилетия стихов, где из неведомых далей так явственно веял бы холодок, перед которым человек бессилен.

Несомненно, сказались тут и некоторые литературные воспоминания, да и кто из поэтов, даже самых больших, бывает от них свободен? Иногда они безотчетны, однако все же остаются воспоминаниями, перенятыми от тех, кто хранил их умышленно. У Джанумова в сборнике, как некий „magnus parens", присутствует Бодлер, с его тяжестью, перебоями, скрипами, остановками и отказом от обычной, выветрившейся поэтической прелести. Я не сравниваю, а только указываю на преемственность. Помнил ли Джанумов, когда писал о ночи, развернувшей

над морем и сушей
Черное знамя победы своей —

помнил ли он один из бодлеровских «Сплинов», кончающихся образом до крайности схожим? Прошло больше ста лет, люди по-иному страдают, по-иному скучают или радуются, но за этой переменчивой житейской оболочкой не изменилось, да и не могло измениться, в сущности почти ничего.

Юрий Джанумов был поэтом, неизменность эту понявшим и на нее по-своему откликавшимся.

Георгий Адамович

Всего не высказать в четверостишьях,
Всего не спеть ни лютням, ни смычкам.
Страшнее бурь есть у души — затишья,
И есть начала, равные концам.

Мы путешествуем от колыбели
До той черты, где ожидает Смерть,
Но чьи глаза пытливые сумели
В ее чертог дорогу рассмотреть?

Так бродим мы, томимые желаньем
Со скрягой-счастьем перейти на ты,
Пока желать напрасно не устанем
И не растратим попусту мечты.

Все есть в продаже: совестью, любовью,
Свободой, честью — можно ль удивить?
Ты, время, лишь — ни золотом, ни кровью,
Ничем, нигде нельзя тебя купить.

В хрустальном мире ритмов и созвучий,
Душа, ты только скрипка, не смычок,
Благословим за подвиг их певучий
Всех, кто стихами в жизни занемог.

НА ПОЛЮСЕ

Мрачнеет даль за вихрем снежной пыли;
Вчера — буран, сегодня — ждем пургу.
Полярной спячкой скованные мили
И след саней на пройденном снегу.

Скрипят полозья и собаки, тужась,
Еще везут уже ненужный груз.
И мертвой хваткою сжимает ужас
Суровые сердца под мехом блуз.

Молчание овладевает нами.
Зато надежда шепчет все жадней. . .
Товарищи, — нам скоро быть врагами
При дележе последних сухарей.

И вот — привал, чтоб выкурить по трубке,
Чтоб переждать в палатке снеговерть.
Еще есть ром, — учтивая уступка,
Которую нам предлагает смерть.

Темно. Тепло. И длится бесконечно
Косноязычный вой эфирных волн. . .
И слышим мы, как ласковая вечность
Над нами лепит белый братский холм.

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

В. Л. Пиотровскому

Пока под ливнем охлаждался камень,
Пока росло во мгле косноязычье —
Жестокими и нежными стихами
Ночь рассказала мне о Беатриче.

Я подходил к окну и жадно слушал,
Как били землю дождевые плети,
Как проносились вихрями сквозь душу
Многоголосые тысячелетья.

Да, в эту ночь пришло средневековье,
Изъеденное ржавчиной суровой,
И тронуло греховною любовью
Бессонницу мечтателя ночного.

Он был свидетелем переговоров
Наемной совести с отцеубийцей,
И различал, как мерили дозоры
Железным шагом тишину столицы.

На площадях горели медным жаром
Костры благоразумного закона.
Но страсть сожгла в неистовом пожаре
Для пытки предназначенные стоны.

О, Беатриче! — миг бывает сладок,
Напрасно ночь предчувствием пугает...
Ты задала мне тысячу загадок,
И ни одной душа не разгадает.

Цветет миндаль и розовою пеной
Вскипает рощ весенних изумруд...
Как вырваться из солнечного плена,
Из золотых и жгучих этих пут?

Куда идти и по какой дороге, —
Не все ль сегодня равно хороши?
Не всюду ль щедро разбросали боги
Подарки для восторженной души?!

Так ласков этот день и так беззлобно
Вдруг налетает шалый ветерок, —
Как будто друга встретил он и обнял,
Целуя впопыхах в глаза, в висок.

Так безмятежен мир: ликуют птицы,
Трепещут бабочки; чисты, легки,
Клубятся облачные вереницы;
Цветет миндаль, роняя лепестки.

И кажется душе, что голубая
Преграда рушится — раскрылась твердь,
И рощами утраченного рая
Ей вновь, как встарь, позволено владеть.

Ветер приносит мне запахи ночи,
Шорохи, шелесты, шепот и шум:
Город готовится спать и бормочет,
Что не взбредет ему, старцу, на ум.

Гаснет за стеклами свет подневольный,
Вечность свои зажигает огни. . .
О, беспредельность! С тоской богомольной
Я поднимаю глаза и они

Видят, что видели некогда предки:
Трепет далеких и дивных миров;
В их золотистой запутался сетке
Мячик игравших когда-то богов.

Легкие ниже скользят покрывала
В вечном стремленье сокрыть, схоронить
Тайну всех тайн — без конца, без начала,
Жизни возникшей дрожащую нить.

Кто по складам прочитает впервые
В этих сияющих знаках ответ?
Что ему скажут просторы ночные, —
Или, быть может, ответа в них нет?

Город бормочет бессвязнее, глуше,
Ветер от скуки становится злей.
Ночь развернула над морем и сушей
Черное знамя победы своей.

То, что было — увы, никогда не вернется.
Дай оплакать тебя, ускользающий миг. . .
Мчатся стрелки часов. Сердце трепетно бьется,
Кто ж из нас к повседневности этой привык?

Дай оплакать тебя, быстротечное право,
Ненавидя любить, наслаждаясь страдать.
Виноваты мы все. Но и правы, и правы,
Потому что так жаль нам наш мир покидать.

Ты подумай: расстаться с землей, с соловьями,
Никогда уж не слышать волнующих слов
О любви, о тепле, и всю долгую память
Безнадежно утратить на веки веков.

И куда-то все плыть на расколотой льдине
Сквозь полярную ночь, без огней и без звезд. . .
О, как хочется жить! Солнце плещется в сини,
В парках розы цветут. . . — нет, сейчас не до слез!

Но и ты, ведь, пройдешь, мимолетное благо,
Счастье, это — блаженный, сияющий миг.
Стрелка дрогнула вновь. Сердце сиро и наго.
Кто ж из нас к беззащитности этой привык?

Я вижу, вижу все вперед
И узнаю во мгле туманной
То, что навстречу мне идет
Как враг жестокий и нежданный.

Напрасно запираюсь я,
Замкам испытанным доверясь, —
В тот грозный час судьба моя
С усмешкой распахнет все двери.

И диким вихрем вслед за ней,
Сметая всех, кто подвернется,
Топча и руша строй вещей,
Неотвратимое ворвется.

. . . .

Ничем не оградить себя
От предначертанного рока...
Его шаги в ночи глубокой
Сейчас так ясно слышу я!

Январь, 1945.

Проплывали мимо корабли
По реке, вдоль набережной узкой.
Баржи неуклюжие ползли,
Задыхаясь под ярмом нагрузки.

По теченью вниз стремился плот;
Кто-то пел на нем, забот не зная.
В кружевной сплетаясь хоровод,
Чаек праздная кружилась стая.

Было солнечно на берегу.
Звон летел с верхушки церкви старой.
Высоко, по синему лугу,
Разбежалась белая отара.

Мир царил, покой и тишина
В этом дне, любезном взорам Бога;
Словно из незримого окна
Он смотрел на водную дорогу,

На поля, на чаек, на суда,
На детей, резвящихся у сходней,
На меня, пришедшего сюда
Из огня и дыма преисподней.

По дороге
Дрезден — граница
1945 г.

Уже не пенье муз, не лиру,
Не голос, милый голос твой, —
Нет, из глубин ночного мира
Я слышу только ветра вой.

Сквозь ночь, сквозь улицы, сквозь душу
И дальше — в бездну жуткой тьмы
Несется он и слепо рушит
Все, что так тщетно строим мы.

Не обольщай себя надеждой, —
Пощады нет, уступок нет.
И будет все, как было прежде,
Как было миллионы лет.

ОСТРОВОК

Ты — островок в том бурном океане,
Где смерч разбил мой беззащитный челн...
Каких понадобилось мне скитаний,
Чтоб наконец, средь дикой битвы волн,

Найти тебя, — затерянный в широтах,
Мой тихий, безымянный островок!
Из тех пучин, из тех водоворотов
Никто другой меня спасти б не мог.

И счастлив я! Не мне страшиться бури,
Так прочен обретенный мной покой,
Так хорошо глаза на солнце щурить
И слепнуть вдруг блаженной слепотой.

Уже забыты жертвы и потери,
И пусть — былого больше не вернуть...
Ты — все, что я искал: последний берег,
И от тебя — последний будет путь.

Веселый гость, проезжий балагур, —
Что я тебе? Уйду и сгину...
Из мрака парка мраморный амур
Свою стрелу вослед мне кинет.

И дальше зашуршат сухие дни
Янтарной осени. И снова
Дороги замелькают и огни,
Чужой судьбы чужие кровы.

Я буду далеко. И лишь глаза
Твои — финляндские озера —
Приснятся мне — зовущие назад,
Такого полные укора!

И сердце вспомнит темный наш разлад,
Весну, похожую на счастье,
И эту осень... В ней гудит набат
Неотвратимого несчастья.

В ней дикий разгорается пожар, —
Не листья рдеют в ней, а искры;
Река напоминает блеск ножа,
А ветки треск гремит, как выстрел.

Пока не поздно, сердце умоли:
Пускай оно поймет, забудет...
Что я тебе? Ведь наши корабли
Одной дорогой плыть не будут.

Прости, что так поздно, но — было нельзя,
Большая беда мне мешала.
И только вчера, в сновиденьях скользя,
Я вспомнил тебя и Рапалло.

Залив, как объятье, и той синевы
Неправдоподобную нежность,
И ветер мимозный и море... увы,
Теперь это — прошлость и прежнесть.

Мне виделся часто, в мечтательный час,
Твой замок; агавы и фиги,
И доброе солнце, ласкавшее нас,
А в море — фрегаты и бриги.

Мне слышались часто хоралы цикад
Во мгле лигурийской прохлады,
Когда оживал заколдованный сад,
А в море — играли наяды.

Мне чудилось часто, что ветер вздохнет
И снова откроет страницу,
Где прерван был тот недочитанный год,
И море — ко мне возвратится.

Но годы зверели, бряцали войной,
Надежды сгорали в налетах...
Прости, что так поздно. Прощаюсь с тобой
И море — уходит на отдых.

Не все ль равно мне: кем и как и где?
Не все ль равно, куда еще закинет
Меня судьба — по суше ль, по воде,
На год, на жизнь — не все ли мне едино?

Нет родины со мной. И всюду я
Чужой среди чужих. Равно мне чужды
И радости и беды бытия,
И я везде кажусь себе ненужным.

Земля и небо эти — не мои.
Не обо мне вокруг меня хлопочут.
Недружелюбные, как люди, дни
Сменяют неприязненные ночи.

Не на моем, мне милом языке,
Не о свиданье (может уже скором?),
Не о моей единственной тоске
Суетные ведутся разговоры.

Нет родины со мной. И все равно,
Как будет век напрасный этот прожит
И с кем и у кого. Но — есть одно,
Что сердце не перестает тревожить:

Так далеко, в забвении таком,
Безвестно, без следа и без помина...
Что если даже и последним сном
Уснуть обречены мы на чужбине?

Ни кошек, ни детей, ни ветра,
Ни роковых дорог назад, —
Люблю: азарт, безумье Федры
И сумасшедшие глаза.

Жестокие люблю признанья,
Беседы с памятью ночной,
Смертельный холод расставанья
И все, что связано с тобой.

Еще — напрасный лепет строчек,
Где сердце плачет, но поет.
Люблю концы. Законность точек.
И одиночество свое.

О, родина, печальница, о, мать...
И сколько нежных слов еще б я пролил!
Услышь: мы начинаем забывать
Твои черты, любимые до боли.

Познавшие последнюю печаль
И столько раз отвергнутые всеми,
Мы память, как священную скрижаль,
С собою гордо пронесли сквозь время.

И в горький час сознанья нищеты,
Когда уж слишком тягостно молчанье, —
Мы, как давно увядшие цветы,
Ласкаем бережно воспоминанья.

Перебирая их по лепесткам,
Мы повторяем дорогое имя, —
Как будто можешь ты вернуться к нам,
Как будто нам возможно стать иными!

Но бренной памяти приходит срок.
Услышь же крик предельной нашей муки
И тех прости, кто выстрадать не смог
Такой опустошающей разлуки.

ЗА НОЧЬ

Слетает день листком календаря,
Ночь сеет звезды. В полудреме слышу:
Гудят тайфуны, грузные моря
В пустыни растревоженные дышат.

Шуршат пески, безумствует норд-ост,
В палящем зное падает сирокко...
Моя душа, подвыпивший матрос,
Шатается по миру одиноко.

Все фонари земные перебив,
Цепляется в потемках рваным клешем,
Ползет на четвереньках и грубит
Таким же вот подвыпившим прохожим.

Так хорошо ей, пьяной и лихой,
Кричать, буянить, требовать расплаты,
Распоряжаться спящею землей
Как парусами в полосе пассатов!

Так хорошо — хоть раз поставить в счет
Весь дикий гнев свой, ненависть, презренье
И бунтовать — пока не позовет
Унылый вой проснувшейся сирены.

Тогда — прощай! Листок календаря
Опять в рассвете хмуром затрепещет
И вырвутся, придут, заговорят
Земные очертания и вещи.

Моя душа, тебе вот в этот миг
Из-за Кармен повздорить бы неверной,
И в поножовщине — под вой, свист, крик —
Свалиться б замертво в дверях таверны!

Б. С—му

К берегу долго прощанья летели, —
Сказочный город остался там.
Мы уплывали на каравелле
К несуществующим островам.

Помнишь те дни? Сумасшедшее счастье!
В южной лазури лишь чайки да мы.
Ветер, наш юнга, путает снасти,
Волны как кони встают на дыбы.

О, мы восторгу не знали предела, —
Сколько надежд было с нами тогда!
Помнишь, однажды, как вдруг потемнело
Небо; как стала зловещей вода?

Помнишь, как ветер нас предал, как шквалы
Первый сменили в ночи ураган?..
В гиблых широтах циклон одичалый
Гневно прибил нас к иным берегам.

Друг! Наша молодость — там, в океане.
Нежной жемчужиной стала она.
И никогда, ни одним из желаний
Нам не достать ее с мертвого дна.

Многое — погибло безвозвратно.
Многие — исчезли без следа.
Многим — не найти пути обратно.
Многих не дозваться — никогда.

Многого — ничем нельзя поправить.
Многому — вовек уже не быть.
С многими — легко простилась память
И о многом — лучше позабыть.

Д. Р.

(Displaced Persons*)

Без нашей воли, ненароком,
Рожденные под гул войны,
Две буквы стали нашим роком,
Их воплощеньем — стали мы.

И вот, бездомные изгои,
Затравленные беглецы,
Мы продолжаем бег... Без боя
Гонимые во все концы.

Не бред ли это — дикий, страшный?
Сквозь пытки лет и лагерей
К чужим горнилам, стройкам, пашням
Бежать... от родины своей!

Бежать. Иного нет исхода.
Бежать, — пока там длится ночь.
Мы выбрали тебя, свобода,
В надежде страждущим помочь.

И так же просто и сурово,
Как эти молвились слова,
Два новых крепнут в мире слова, —
Раскрылась новая глава.

---

*) Перемещенные лица.

Как страшно, когда ты однажды,
Сквозь тела трусливую дрожь,
Ни голода больше, ни жажды
В иссякшей душе не найдешь.

Когда ты припомнить захочешь
И крикнешь в призывной мольбе,
А памяти своды — из ночи
Молчаньем ответят тебе.

И даже руки не найдется,
Чтоб в час этой лютой беды
Тебе принести из колодца
Хоть каплю живящей воды.

Мне дорог час, когда закат
Дома и лица охрой тронет,
Когда ватагой облака
За счастьем тянутся в погоне.

И уходя в прозрачный дым,
Горя в причудливом румянце,
День притворяется больным,
А ветер — пьяным оборванцем.

Мне хорошо грустить тогда,
И на вокзале, в зычном гуле,
Встречать, как близких, поезда,
В толпе кого-то карауля.

Как будто в этот странный час,
Сутуля узенькие плечи,
Из двери в зал, где третий класс,
Вдруг выйдет прошлое навстречу.

И холодея, сам не свой,
Вновь обрету на миг крылатый
Все, что потеряно душой,
Все, что у сердца было взято.

Да, да — себя не обмануть,
Все ясно страшной простотою:
Снижается зловеще ртуть
И скоро будет за чертою.

И скоро снег пойдет — иной,
И мгла опустится — иная;
Над бурной некогда рекой
Безбурность ляжет ледяная.

Тогда — остудится вода,
На берегах поникнут ивы,
Неповторимые года
Не так уж будут торопливы.

И боль о том, что не пришло,
О снах, несбывшихся доныне,
Как за ночь от костра тепло
Уйдет, развеется, остынет.

Да, да — скользит все ниже ртуть,
Все ближе, ближе мудрый холод,
И голову, чтобы уснуть,
Из милосердья клонит долу.

ПОСЕЩЕНИЕ ПИФИИ

Безумен, Пифия, твой бред
И смехотворен твой треножник!
Ответа не было и нет
И быть его вовек не может.

Взгляни, как тает этот дым,
Как пламя, угасая, пляшет...
Исчезнет все: Эллада, Рим,
И ты, и я, и боги наши.

Исчезнут все. И весь их труд
Напрасен. Что им, мертвым, слава?
Но... правы ль те, что создают
Иль те, что разрушают, правы?

Кто прав в деяниях своих?
Каким путем идти должны мы?
И есть ли средь путей земных —
Единственно непогрешимый?

Иль все, о чем поет поэт,
Что нас на крыльях гордых носит, —
Такой же вздорный, жалкий бред,
И тщетны, праздны все вопросы
И ни на что ответа нет?

Я полюбил ночные захолустья,
Пристанища кочующей души,
Где можно терпкою, хмельною грустью
Воспоминанья трезвые глушить.

И я привык наедине с собою
Ночь под сурдинку где-то коротать,
Запоминать узор чужих обоев
И собственное имя забывать.

Счет потеряв глоткам ожесточенным,
Так хорошо припасть к стене плечом
И помечтать о счастье немудреном,
Не сожалея, не печалясь ни о чем.

Уходит ночь сквозь скважины и щели,
В далеком мире плачут поезда,
Но что мечтам? Они везде поспели
И никуда не могут опоздать.

И хорошо еще, бредя за ними,
Пустое сердце унося в рассвет, —
Вдруг вспомнить взгляд, улыбку или имя,
Которым больше повторенья нет.

О, бездорожные мои скитанья!
Я оборву когда-нибудь и вас,
Чтобы глотком последнего дыханья
Все жажды утолились — в первый раз!

WALSE TRISTE

Что же, — веселье подходит к концу.
Зала пустеет, пустеют бокалы.
Темные тени легли по лицу,
Кружится вальс тяжело и устало.

Что же, — пора покидать этот бал.
Сами собою смыкаются веки.
Миг, — и в сияющих недрах зеркал
Вскользь промелькнем и исчезнем навеки.

И ничего не останется нам:
Ночь, ледяные пространства и ветер,
Ветер, бегущий по мертвым мирам,
Прах развевающий тысячелетий.

Что же, — дослушай, допей, дотяни. . .
Меркнущий вальс все страшней, все печальней.
Гаснут последние в мире огни,
Ветер крепчает во тьме изначальной.

Светлой памяти
Раисы и Михаила Горлиных

Спаслись, уцелели, ушли от меча,
В огне не сгорели, под пулей не сникли. . .
Пылай же, зажженная мною, свеча
Как радость победная в праздник великий.

Дойди ликованье мое до Творца
Взволнованной и благодарной молитвой
За всех пощаженных, — кого до конца
Хранил Он в опасностях, бедах и битвах.

Но вас — неповинных, которых не спас
Ни бегства туман, ни лирический ветер, —
Какой панихидой оплакивать вас
И чем вашу гибель достойно отметить?

Я помню последнюю встречу. . . Уже
Зловещими были берлинские ночи;
Слова и движения — настороже,
Свидания — реже, беседы — короче.

Но рифмы братались, но строки текли
Как прежде — на нашем случайном Парнасе. . .
Кто думал тогда, что столицы земли
Рассыплются прахом, что солнце погаснет?

Что в недрах подземных, слепые кроты,
Мы будем дрожать бесконечные годы,
Что в мире миллионами встанут кресты
И плачем библейским заплачут народы?

Кто думал о проклятых небом местах
За ржавой чертой, о зачумленных остах,
О желтой звезде, о последних словах,
Кто думал о смерти? .. — Привычно и просто

Закончился вечер. Но как-то не так
Обыденно мы попрощались: глазами.
Трамвай зазвенел. И судьбы нашей мрак
Как занавес глухо упал между нами.

Следы затерялись и нить порвалась.
Во вздыбленных годах свершилось так много.
Но верю: по зову премудрого Бога
С земли голубиная пара взвилась
И к рощам блаженных была их дорога.

Паровозы кричали, как птицы ночами,
Напряженно желтели во мгле их глаза.
Навсегда сохранила проклятая память
Сундуки, поцелуи, платки, голоса.

И окно сохранила — подобно камее, —
Где никто не прощался и рук не сжимал,
Только думал тоскливо: о, лишь бы скорее!
В эту ночь, в этот час не сойти бы с ума.

Золотились огни, убегая за стрелку,
Убегали они далеко-далеко...
На суконное небо, как проигрыш мелкий,
Ночь небрежно просыпала горсть медяков.

А когда заскрипели прощально колеса,
Разрезая ландшафты, шатая мосты, —
На вокзале остался стоять низкорослый
Человек, опиравший плечо на костыль.

И опять изможденно тащились вагоны.
Кочегары как жертву сжигали дрова.
Ухмылялся калека. Стучал по перрону
Костылем деревянным, глаза закрывал —

И как будто не видел, как там, у забора,
Пригибаясь к земле, поднимаясь к звездам,
Однорукая смерть фонарем семафора
Подавала последний сигнал поездам.

Поезд ушел, не спрося и не справившись,
Можно ли, должно ли, нужно ль уйти.
В сумерках шпалы белели, как клавиши,
Ночь зачернить торопилась пути.

Бедные, мы расторгались пространствами
Спящих чужих городов и полей...
— Разве тебе не наскучило странствовать,
Мир обходя, как знакомый музей?

Разве тебе не постыли названия
Станций, стоянок, местечек, столиц;
Кровы менять, чаевыми позванивать
И разбираться в похожести лиц?

Впрочем, как знаешь... Ведь каждый по-своему
Тот же все путь коротать обречен.
Многим, увы, не дано, не позволено
Сгруживать верстами жизнь за плечо.

Многим досталось завидное мужество:
Чью-то судьбу проводив на вокзал,
В тусклый, унылый паноптикум ужасов
Шагом спокойным вернуться назад.

Там над Жюль Верном, над львами, над трампами
Ждать, задыхаясь... Однажды, в туман,
Вдруг за окном, как за вспыхнувшей рампою,
Смерть многоместный подкатит рыдван.

В детстве, — так ясно сейчас это помню, —
Вечером как-то меня посадили
На подоконник — широкий и белый;
Ватного зайца держал я в руках.
Там с любопытством смотрел я на стекла,
Где, разрисован декабрьским морозом,
Понизу вился, искрясь и сверкая,
Нерукотворный и пышный узор.
Вдруг над собой я заметил в пространстве,
В черном, как прорубь, рождественском небе,
Яркую точку, мигавшую часто, —
Трепетный светоч, невиданный мной.
Что это было? Внезапно исчезли
Стекла с морозною вязью, упругость
Гладкой доски, на которой сидел я,
Шорохи жизни и свет и тепло.
Помню, как, словно повисший над бездной,
Даже дышать иль мигнуть не посмел я.
Помню, как страшно мне стало, как громко
Няня, — я крикнул, — няня, огонек!

Долго в ту ночь надо мной хлопотали,
Сказкой напрасно стараясь утешить.
Страх и смятенье остались доныне...

Вечность, я жду, чтоб исчезнуть в тебе.

Перед тобой — твой неизбывный день,
Он может стать подарком или пыткой;
Промчаться быстроного как олень
Или ползти докучно как улитка.

Он может быть и щедрым и скупым,
Угрюмым скрягой и веселым мотом, —
Разбрасываться счастьем голубым
И предаваться скаредным заботам.

Он может роком выдаться твоим.
Он на твою погибель выйти может,
И как палач, движением одним
Разрушить, искалечить, уничтожить.

А может быть — в цветении пустом
Он будет блекл, бесплоден и напрасен;
Ни бури гром не прогрохочет в нем,
Ни солнца блеск его не приукрасит.

И праздными останутся мечты,
Желанья на корню своем завянут.
День этот кончится вничью... И ты
Погасишь свет, измучен и обманут.

ДОН ЖУАН

Я странствую не в пышных колымагах
И не веду заметок путевых.
Надежный конь, червонцев горсть и шпага —
Вот спутники в скитаниях моих.

Мне ночь сообщница. Слепая сводня,
Она мне помогает до утра
Не размышлять о начатом сегодня
И не жалеть о конченом вчера.

Что ж! Мудрость чисел копят звездочеты,
Скупцы стяжают звонкий груз монет,
А я, — я в мире тоже занят счетом:
Имен и встреч, желаний и побед.

Преследуя волнующее счастье,
Я не ищу ни истин, ни богов,
И вот — живу, покорный только страсти,
Увы, столь не похожей на любовь!

О бедные мужья, отцы и братья!
Вас не хотел иметь врагами я.
Я ваш должник. К ответу и к расплате
Давно, всегда готова кровь моя.

Но эти ночи, эти упоенья,
Восторг греха и страсти торжество!

Я помню каждое прикосновенье
И каждый миг блаженства моего.

Я помню каждую. Их было много,
Но я ли виноват, что не нашлось
Ни рук таких, ни губ — дабы в дорогу
Мне новую пускаться не пришлось?

Нет, это — горький рок, и неизбежно
Я обречен, терзаемый алчбой,
Обманывать доверчивую нежность,
Позор и горе сея за собой.

Пусть будет так. Не умирают дважды
И не родятся. Жребий дан навек.
Пусть отвращеньем утолится жажда,
Пусть близится последний мой ночлег.

Любимая! Сегодня наша встреча.
Тебя мне больно будет обмануть.
Зажглась звезда. Грустит кастильский вечер...
А завтра снова — поиски и путь.

ВСТРЕЧА

Сколько лет мы с тобой не видались?
Или, друг, это были века?
Время мчалось, дыбясь и кидаясь,
Как взбесившаяся вдруг река.

Целый мир — содрогнулся и рухнул,
Став легендой на наших глазах;
Эту гибель, распад и разруху
Ни в каких не расскажешь словах.

Эту гибель... Чугунные ночи,
Улиц в страхе застывшую сеть,
Небо, — небо, в котором хлопочет
Сатанински гудящая смерть...

Я не знаю, с чего и откуда
Начинать бредовой свой рассказ,
Знаю только: не случай, а чудо
К этой встрече направило нас.

Чудо, друг, что в чудовищной бойне
Оба мы уцелели, что в ней
Не погибла — со мной ли, с тобой ли —
Наша дружба, но стала прочней.

Чудо в том, что друг друга нашли мы
Там, где даже следов не найти,

И, чудесно неисповедимы,
Снова встретились наши пути.

И не верится: кротко и сонно
Вяжет ночь свою звездную шаль,
Пахнет в комнате рощей лимонной
И чего-то так сладостно жаль.

Скоро быть Рождеству... Не пойму я,
Ты ли это напротив сидишь?
Твой ли голос, давнишним волнуя,
Рассекает дремотную тишь?

Воскресают лазурные дали,
Светлый воин поэт — Гумилев...

. . . .

Боже, сколько же мы не видались, —
Сколько диких и страшных веков!

Не примирюсь, не соглашусь, не стану
Ни приноравливаться, ни кривить душой
И не предамся ни самообману,
Ни лжесвидетельству... Нет, честен сам с собой

И, как судья, взыскательный и строгий
К своим ошибкам, недостаткам и грехам,
Я никогда не отступлю с дороги,
Которую избрал себе когда-то сам.

И никогда души не разменяю
И сердца не продам ни на каком торгу.
Ключом поддельным — будь он даже к раю —
Я знаю, что воспользоваться не смогу.

Пойму Фому, но не прощу Иуду;
Не обвиню труса и не взыщу с глупца,
Но низость человеческую буду
Непримиримо ненавидеть до конца.

Насилье, подлость, угнетенье, зверство,
Обман, предательство, мошенничество, ложь,
Коварство, подхалимство, изуверство, —
О, низость! — всех имен твоих не перечтешь.

. . . .

Коль хочешь быть теперь со мной знакомым, —
Садись. Я рад. Отставь-ка в сторону цветы.
Поговорим. — Да, я расстаться с домом
Был вынужден уже давным-давно... А ты?

Настанет час: незрячий, твердый, строгий
Упрется взор в небесный свод,
И позабывший в днях своих о Боге
По Божьей милости уснет.

В молчаньи, черной, скучной вереницей
Пойдут за гробом. Как вуаль,
Обволокнет заплаканные лица
Благопристойная печаль.

Дойдут. Опустят. Станут возле ямы,
Подкинут горсть земли вослед,
И прозвучит над скорбными крестами
О вечной памяти обет.

Потом — венки и насыпь станут знаком
Забвенья страшного... И те,
Кто провожал, кто безутешно плакал,
Вернутся к прежней суете.

Вот — чья-то смерть. Так к вечности дремучей
Один из многих перейдет.
Так я предвижу собственную участь,
Неотвратимый свой черед.

. . . .

Поймешь ли ты? Не прихоть, не гордыня,
Но... — если б обрести и мне
Бесследность вечную... В морской пучине,
В уничтожающем огне.

ЛЕТО 1930 ГОДА

Я дал душе моей каникулы
На долгий срок, на долгий срок,
Чтоб не страдала, чтоб не мыкалась
И не роняла горьких строк.

Мне хорошо в моем безмолвии,
Душа ушла, — я глух и нем.
Пусть лето в бурях, в грозах, в молниях,
Я не встревожусь уж ничем.

Покончив с ласковыми встречами,
Не ищет сердце новых встреч,
Ему обманываться не к чему
И больше нечего беречь.

Так канут дни мои бескрылые,
Никто им запись не ведет...
Эх, жизнь моя, подруга милая,
Не так ли в бухте мертвых вод

Безветрием завороженная,
Забытая средь камышей,
Не спорит джонка прокаженного
С забвеньем, с тишиной своей?

И что тебе — вернется, сгинет ли
Твоя ушедшая душа?
Оставь, забудь и будь покинутым
Как эта джонка в камышах.

В звездную ночь на морозном катке,
Чуть в стороне, где ватага сугробов, —
Вдруг увидать и узнать вдалеке. . .
О, ведь и это случиться могло бы!

Слушать, как злится на холоде медь,
Вальс этот трубный восторженно слушать;
Слышать, не верить и снова глядеть
В нежную рябь ненаглядных веснушек.

Словно коньки на снегу, впопыхах
Все позабыть в этом счастье огромном
И заблудиться в студеных мехах
Взглядом, руками и сердцем бездомным.

Так начался бы он, век ледяной:
Выше и выше росли бы сугробы. . .
Там, на катке, повстречаться с тобой —
О, если это случиться могло бы!

Мне так хотелось бы сразиться в преферанс
С корсарами на острове сокровищ. . .
Но время гонит свой громоздкий дилижанс
В шальной езде, — его не остановишь.

А жаль. За окнами мелькает иногда
Такой соблазн! . . Пастушеские дали,
Голубоватые, как льдины, города,
Сады, каких мы с детства не видали.

Порой, на перекрестке утренних дорог,
Вдруг встанет домик в облаке акаций. . .
Не знаю сам к чему, но, право, я бы мог
Сойти и здесь. И здесь навек остаться.

Возница злится на меня, на чудака,
Ему претит восторг мой беспрестанный.
Я вижу, как язвительно его рука
Заносит бич над клячей окаянной.

И с грохотом громоподобным, с быстротой,
Захватывающей в тиски дыханье,
Несемся дальше, покидая за собой
Видения плененного желанья. . .

О, бедная душа моя, — когда ж конец?
Ужель вот так и будем проноситься
Рабами сумасбродного возницы,
Вотще глазея вдаль — на хрупкий тот дворец,
Где наше счастье, может быть, томится?

Закрой глаза и слушай, как сквозь сон
В твое окно врываются синкопы
И ритмы ночи. . . Плачет саксофон
И скрипки нежно переходят в шепот.

Поет кларнет. В невидимой руке
Взметнулась страсть и мука дирижера;
Он ускоряет, гонит, — вдалеке
Уже созвездия вступают хором.

И как прилив рокочущий, как смерч
Растет мелодия в гигантском океане.
Вот на мгновение коснулась смерть
Вселенной ледяным своим дыханьем —

Вот ночь раскрыла замыслы земли,
Проникла в тайну гибели и стройки —
И, вспыхнув в звездно-золотой пыли,
Рассыпалась комета на востоке —

И вдруг — бессильно падает рука. . .
В окне — рассвет. И холодно и рано.
А с неба льется мутная тоска,
Гудя пропеллером аэроплана.

Милая, нежная, я уже знаю
Час расставанья и сердце твое...
Вечер. Дымок над трубкой тает
И все о том же скрипка поет.

Столики, лица, цветы, стаканы —
Так примелькалась земная юдоль!
Мы, как актеры, под гул ресторанный
Мучась ведем непосильную роль.

В городе шумном, другом, далеком
Может вот так же рыдает фокстрот,
Может вот так же с прохладным соком
Кто-то соломинкой боль свою пьет.

Брось, — не грусти. Разве новы разлуки?
Что по несбывшимся снам тосковать?!
Скоро найдутся другие руки,
Чтоб эту горькую грусть заласкать.

Скоро забудутся тщетные встречи,
Сердце привыкнет, станет грубей.
Может однажды, в какой-то вечер,
Без сожаленья припомнюсь тебе.

Дай же мне руку в неповторимый,
В этот жестокий и чудный час...
Я назову тебя — хочешь? — любимой
И поцелую в прощальный раз.

Дождь моросит в ночную черноту,
Ворчит вода, стекая в недра стоков...
Ах, иногда — грустить невмоготу,
Как иногда тоскуется жестоко!

Не знает, нет, простуженная ночь,
Куда себя от луж, от стужи спрятать...
Чем можно сердцу бедному помочь,
Когда оно такой тоской объято?!

Блуждать, шагать сквозь злые сквозняки,
Стоять зачем-то на мосту канала...
Когда б ты здесь была, — твоей руки
Коснуться лишь, и — сразу б полегчало.

Сидеть в кафе и слушать под фокстрот
Беспечный вздор соседки благосклонной,
Следить за тем, как танец пары гнет,
Как вертит их вне смысла и закона.

Соломинкой, по капле, от тоски
Тянуть тягучее недоуменье
И ждать напрасно, чтоб твоей руки
Хоть чье-нибудь коснулось сожаленье.

И дальше слушать, как растет прибой
В душе от слов, от лиц, от звуков этих...
И вдруг понять, что для судьбы такой
Не стоило бродить в тысячелетьях.

Растерянно тогда исторгнуть: О!
И чувствуя, что больше нет уж мочи,
Забыв соседку, вежливость, пальто, —
Свой гнев повелевающий упрочить.

Вон выбежать — в ночной, пустынный двор,
Где вся тщета взглумилась этажами,
И жизнь свою — ничтожный этот вздор —
С ожесточеньем размозжить о камень.

Унылый ноябрьский ландшафт. Ничего
От чар сентября не осталось.
С дождями, стеклярусною бичевой,
Нисходит на землю усталость.

Усталость и старость... Состарился год,
Пройдя испытанье земное,
И вот он, изношенный, брошенный, ждет
Последнего сна и покоя.

Лысеют леса. Запустели поля.
Дороги изрыли морщины.
И дряблая, дряхлая дремлет земля
Под рыжей и рыхлой периной.

Ни птицы, ни зверя. Закрыт и забыт
Киоск возле мертвых купален.
И только рябина еще веселит
Седые, холодные дали.

Ты помнишь? Совсем ведь недавно — на днях —
Здесь май зеленел; золотился
Июль на душистых, пушистых полях;
Багрянцем сентябрь шелушился...

Ты помнишь? Совсем ведь недавно — вчера —
Насколько моложе мы были!
Ведь нас не страшил этот сумрак с утра.
Иль крест — на случайной могиле.

Праздник был. Фонарики пестрели
В глубине аллей, в беседках над водой.
Под веселый грохот карусели
На лебяжьих крыльях плыли мы с тобой.

С каждым кругом от земли все выше
Устремлялись мы, скользя в прохладный мрак.
Уменьшались, расплывались крыши
Балаганов, будок, головы зевак.

Фейерверк взвился, зеленою дугою
Озаряя нас и наших лебедей,
И казалось нам: все кончено с землею,
Мы уж никогда не возвратимся к ней.

Нам казалось: понята и нами
Радость птиц, начавших долгий перелет,
Что и мы найдем за облаками
Острова, где нас успокоенье ждет.

Забытье. Блаженная дремота.
Нет ни памяти, ни времени... И вдруг —
В недрах карусельного фокстрота
Прогремел скрежещущий железный звук.

Рядом дико грянул грохот трубный,
Чад земли коснулся белых, нежных крыл,
И палач с улыбкой дружелюбной
Подошел и лебедей остановил.

Поздно ночью направляются трамваи
Друг за другом в свой последний рейс.
Как светящиеся рыбы уплывая
По железному теченью рельс.

Покидают город и во мглу предместий
Входят стаей, жмутся все тесней;
Там, в прохладном парке, скученные вместе,
Цепенеют в бездыханном сне.

На стеклянном желтом диске циферблата
Ночь колдует, стрелками кружа.
Картами и пивом в будке полосатой
Коротают время сторожа.

И чудесное проходит мимо... С грустью
Замедляет шаг, минуя крайний дом,
И над пустошью безлюдных захолустий
Гневным разражается дождем.

КЛОУН

Синий нос и губы до ушей —
Это тоже маска Мельпомены...
Позабудь на время о душе,
Кувыркаясь на песке арены.

Надо дать смеяться над собой
Тем, кто заплатил за это право.
Каламбур с пощечиной лихой
Создают хохочущую славу.

Скоморох, паяц, фигляр и шут —
Сколько прозвищ и какая участь:
Быть всегда посмешищем минут,
Смехом проданным давясь и мучась!

Но когда коснется ночь песка
И служители закроют входы,
К зеркалу бездомная тоска
Подведет нелепого урода.

Что ж смеяться? В ворохе афиш
Смята жизнь, забытая галеркой...
И хлопочет цирковая мышь
Над судьбою зачерствевшей корки.

Болезнь — привал. За долгий путь
Соблазн устать кому неведом?
Свалиться с ног, чтоб отдохнуть,
Зарывшись в жар, забывшись бредом.

Болезнь — привал. Дорога ждет,
А ты прилег в траве, под скатом.
Дорожный, грузный тюк забот
На время снят и брошен рядом.

И ты мечтаешь, глядя в синь,
Где облака как гроздь жемчужин;
В ленивом счастье ты один,
Тебе никто, никто не нужен.

Дорога ждет, но ты лежи
С блаженным ядом в жарком теле.
Под вечер рядом, в желтой ржи,
Сверчок вдруг зачинает трели.

Как хорошо! Певучий звон
Как дальний благовест — не звонче;
Все дальше, глуше, тише он
И вот — умолк. Твой отдых кончен.

Но иногда — поет сверчок,
А он все длится, лучший вечер!
Твой, ставший легким, узелок
Другой берет себе на плечи.

Тогда тебе не нужно слов
И даже радости — не нужно...
Перешагнув воздушный ров,
В тех облаках бредешь жемчужных.

ВЕСЕННЕЕ

Многоголосый, звонкий, синий
Весенний день... И в синеве —
Легки все встречи на помине,
Все лица кажутся новей.

Ах, хорошо бродить часами,
Пить сладкий воздух как вино,
Делиться счастьем с воробьями
И знать, что все кругом пьяно.

О, первый ветер с первой пылью,
О, грохот, пущенный волчком!
Шалеет сердце от обилья
Улыбок, взглядов и толчков.

Кому ж такое не знакомо,
Беда такая не стряслась, —
Когда вот в этот гул и гомон
Несутся чувства не спросясь?

И чья с бунтарскою оравой
Желаний справится душа?
О, в эти дни бесценно право
Любить, смеяться и дышать!

ВЕСНА

О, ветреница, милая шалунья,
Опять твой шлейф белеет по садам;
Опять как растревоженные улья
Гудят взволнованные города.

Угомонись, проказница, и — полно
Придумывать для бабушки-земли
То бирюзово-розовые полдни,
То вечера в сиреневой пыли.

Нет, не могу! Когда цветут черешни,
Когда листва так юно зелена, —
Мне хочется вот этим хмелем вешним
Напиться безрассудно допьяна.

Мне хочется тогда за счастье ваше,
За вас, еще невстреченную мной.
Прозрачный мир, как голубую чашу
Заздравно опрокинуть над собой.

И под веселый звон, под птичий щебет,
Под плеск ручьев и жизни буйный цвет
Как бы в альбом — на синем, чистом небе
Вам посвященный начертать сонет.

Ночью улицы грустны и безнадежны
Как стихи последних этих лет.
Неприязненно, неряшливо, небрежно
Фонари бросают грязный свет.

Ночью улицы ненужны и никчемны, —
Некуда уже идти по ним.
Только я как непоседливый кочевник
Все брожу по улицам ночным.

Все ищу средь них такую, по которой
Можно было б налегке уйти,
Так уйти, чтобы обратный путь не скоро,
Может быть — и вовсе не найти.

Но не так-то просто затеряться в этом
Мире, зачарованном тобой. . .
И несет меня опять попутным ветром
Неизбежно и всегда — домой.

Пора, пора... Рассвет как булочник
Румян и бел. Едва видны,
Над путаницей узких улочек
Трепещут утренние сны.

Пора. И вот, звеня подковами,
Конь ставит честь свою на кон.
Дома давнишними знакомыми
Приветствуют со всех сторон.

Привет, привет! И дальше цокает
Скакун по звонким мостовым.
Все заповедное, далекое
Сегодня стало вдруг моим.

Как в детстве, полон небылицами,
Я сказкой брежу наяву:
Вон — солнце, огненной жар-птицею
Упало в синюю траву,

Вон — за полями и за пашнями
Неведомый белеет скит,
А позади — в страну вчерашнего
Дорога змейкою бежит.

За пазуху мне ветер лазает:
Там есть что прятать, что беречь...
О, счастие голубоглазое,
До новых встреч, до новых встреч!

ЭЛЕГИЯ

Как бьется сердце, — глухо, еле внятно,
Как рядом где-то маятник стучит.
Как набегают теневые пятна,
Пересекая лунные лучи...

И как ты дышишь; как порой глубоко
Во сне вздыхаешь, — милая, о чем?
А ночь безбрежным, колдовским потоком
Таинственно струится за окном.

Лишь изредка в текучей этой дреме
Пролает пес, подвода громыхнет;
Лишь безустанно ревностное время
Ведет часам певучий, гулкий счет.

Как дождь шуршит, как бьются в стекла
брызги...
И вот опять, дыханье затая,
Твой искушающий, твой грозно-близкий,
Твой страстный шепот, смерть, внимаю я.

О, нет! В тот страшный час не станет страшно.
Не будет больно или жаль тогда.
И жизнь, как отошедший день вчерашний,
Легко забудется, — легко и навсегда.

Вспыхнет спичка и дымок,
По губам скользнув, растает.
Версты пройденных дорог
Разом память наверстает.

Снов и весен не вернуть,
Сказкам больше не поверить...
Ночью, сквозь хмельную муть,
Легче думать о потерях.

И пока смычки поют
И пока есть горечь в трубке,
Можно вспомнить жизнь свою,
Соглашаясь на уступки.

Ниже голову склони...
Эта ночь полна участья.
Мы теперь с тобой одни,
Несговорчивое счастье.

И пускай приходит срок
Той поре, где все знакомо...
Трубка гаснет. Как дымок
Жизнь тепла и невесома.

УСТАМИ ГАМЛЕТА

Быть иль не быть?
Но если быть, то — кем?
Иному смерть
желаннее короны.
Тому же, кто юродив,
слеп иль нем, —
что власть тому,
что скипетры и троны?!

Жизнь оборвать легко.
Один лишь шаг.
Но этот шаг, но этот миг —
подумай!
Нет. Все же легче — жить,
хотя бы как
невольник, нищий
иль злодей угрюмый.

Жить ради жизни.
Ради тех минут,
когда прощаешь годы.
Жить, не споря,
снося обиды, голод,
рабский труд,
как червь слепой
копаясь в мерзком соре.

А может быть — не так...
Что если *там*
душа и впрямь
блаженствует в бессмертье,
и будет жизнь земли
казаться нам
такой ничтожной, жалкой
после смерти?

Слова, слова, —
блудливые слова!
Как ловко можно все
прикрасить вами...
Но — мертвая
смеется голова,
ее не одурачишь ты
словами.

Ах, Йорик мой!
Завидую тебе.
Теперь ты знаешь правду,
ты не должен
дрожать и печься
о своей судьбе
и ждать конца,
который непреложен.

Конца? Конец...
О чем же это я?
Никак в беседу
с черепом пустился?
Эй, ты, могильщик!
Дай-ка, брат, огня,
совсем я тут
в потемках заблудился.

ЭПИГРАММЫ

В понедельник — он не успел,
Во вторник — ему помешали,
В среду — он вдруг заболел,
В четверг — за ним прислали.
В пятницу — дух испустил,
В субботу — его хоронили...
А в воскресенье — я лично был
На свежей его могиле.

Теперь могу поведать смело:
Ты стал предметом горьких дум...
Бог дал тебе версту на тело —
И ни вершка не дал на ум!

ОГЛАВЛЕНИЕ